

Check for updates

Вступительная статья редакции

УДК 316.73

EDN LIYSLK

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22>

Главные задачи и приоритеты «Журнала интегративных исследований культуры»

Г. Г. Малинецкий ¹

¹ Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, Московский гуманитарный университет, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 4

Для цитирования:

Малинецкий, Г. Г. (2025) Главные задачи и приоритеты «Журнала интегративных исследований культуры». *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 5–22. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22> EDN LIYSLK

Получена 15 января 2025; прошла рецензирование 30 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Г. Г. Малинецкий (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CCBY-NC 4.0.

Аннотация. Современные реалии с особой остротой повышают значимость знаний, позволяющих расширять и совершенствовать культурное пространство нашей цивилизации — мира России. Подчеркивается, что в современном мире культура стала главным полем битвы, объектом управления, важнейшим инструментом социальной организации и самоорганизации, огромным полем научных исследований. Поэтому на любой арене необходимо уметь защищать свои мысли, ценности, культурное пространство, а для этого необходимо формировать свой проект будущего. Цивилизационные задачи, которые сейчас стоят перед Россией, требуют глубокого культурологического анализа и серьезного общественного обсуждения. Сложные системы и процессы допускают множество проекций, позволяющих разобраться в них. В этой связи высказываются пожелания к содержанию, методологии и тематической направленности статей, публикуемых на страницах «Журнала интегративных исследований культуры». Отмечается, что интегративность и междисциплинарность заставляют ясно и точно излагать материал в форме, которая доступна представителям других дисциплин или научных направлений. Выражается надежда, что «Журнал интегративных исследований культуры» сможет отражать не только передний край интегративных исследований в науках о культуре, но и будет способствовать решению тех цивилизационных задач, которые сейчас стоят перед Россией.

Ключевые слова. Страна-цивилизация — мир России, культурология, синергетика, параметры порядка, постиндустриальная фаза, интегративность, междисциплинарность, глобальный демографический переход, образовательный императив

The main objectives and priorities of the *Journal of Integrative Cultural Studies*

G. G. Malinetsky ¹

¹ The Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences,
Moscow University for the Humanities, 4 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

For citation: Malinetsky, G. G. (2025) The main objectives and priorities of the *Journal of Integrative Cultural Studies*. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 5–22. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22> EDN LIYSLK

Received 15 January 2025; reviewed 30 January 2025; accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © G. G. Malinetsky (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](#).

Abstract. Modern realities attach particular importance to the knowledge that helps expand and improve the cultural space of our civilization — the world of Russia. We emphasize that today culture has become the key battlefield, an object of management, the most important tool of social organization and self-organization and an extensive field of scientific research. One should therefore know how to stand for one's beliefs, values and cultural space in any arena, which requires a certain vision of the future. The civilizational challenges that Russia is currently facing necessitate an in-depth culturological analysis and a serious public discussion. Complex systems and processes enable many projections to be understood. We have therefore put forward a number of suggestions regarding the content, methodology and thematic focus of the articles published in the *Journal of Integrative Cultural Studies*. As we have pointed out, integrativity and interdisciplinarity require a clear and accurate presentation of the material in a way that is accessible to those dealing with other disciplines or scientific fields. We hope that the *Journal of Integrative Cultural Studies* will both reflect the cutting edge of integrative research in cultural sciences and contribute to solving the civilizational challenges presently confronting Russia.

Keywords: country-civilization — the world of Russia, culturology, synergetics, parameters of order, post-industrial phase, integrativity, interdisciplinarity, global demographic transition, educational imperative

Волею судеб я стал председателем редакционного совета «Журнала интегративных исследований культуры». Хочется, чтобы это издание было не только фундаментальным, отражающим передний край интегративных исследований в культурологии, но и живым. Мне представляется также не менее важным, чтобы на страницах нашего журнала решались актуальные задачи, стоящие не только перед отдельными учеными, но и перед всей нашей страной. Поэтому надо сформулировать проблему, на решение которой в конечном счете должен быть направлен журнал, и приоритеты, по которым можно отбирать статьи, представляющие для него особый интерес. Постараюсь сформулировать это в тезисной форме. Ведь если проблема понята, то ее решение можно изложить в любом объеме, от одного абзаца до шкафа книг, посвященного этому вопросу.

Культура как главное поле битвы в XXI веке

Следуя теории постиндустриального развития, выдвинутой Д. Беллом около полувека назад, надо выделить «осевые переменные», или

в терминах синергетики *параметры порядка*, определяющие мировую историю. Если в качестве таковых рассматривать собственность на средства производства, то мы получаем исторический материализм с его сменой социально-экономических формаций, от первобытно-общинной до коммунистической. Классики разрабатывали этот подход в XIX веке, когда важно было накормить голодных и сгладить острое социальное неравенство. В XX веке стало понятно, что эти проблемы можно достаточно успешно решать и в социалистических, и в капиталистических обществах.

Однако сложные системы можно проецировать на разные оси. Делать это необходимо, чтобы выделить наиболее важные причинно-следственные связи, дать прогноз будущих тенденций, явлений, процессов и предложить инструмент для управления этими переменными. Как замечено в одном из романов братьев Стругацких: «Понять — значит упростить», т. е. построить понятную модель, достаточно точно отражающую реальность и ее динамику.

Двадцатый век принципиально отличается от девятнадцатого благодаря стремительному развитию наук и технологий. За это столетие

нас стало почти вчетверо больше на планете. Благодаря антибиотикам, технологиям родовспоможения и массовому производству минеральных удобрений средняя ожидаемая продолжительность жизни в развивающихся странах увеличилась вдвое. По сути, ученые, инженеры и врачи исполнили мечту Фауста о второй молодости.

Поэтому в качестве оси, на которую следует проектировать мировую историю, следует выбрать роль науки, технологий, знаний о культуре в качестве ключевой движущей силы развития общества.

Итог своей теории Белл сформулировал следующим образом: «На протяжении большей части человеческой истории *реальностью была природа*: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести свое „я“ с окружающим миром. Затем *реальностью стала техника*, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его „я“, в овеществленном мире. В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром* — не природным, не вещественным, а исключительно человеческим — воспринимаемым через отражение своего „я“ в других людях... Человек может быть переделан или освобожден, его поведение — запрограммировано, а сознание изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей. Но не исчезла двойственная природа самого человека — с одной стороны, убийственная агрессивность, идущая от первобытных времен и направленная на разрушение и уничтожение буквально всего, а с другой — поиск порядка в искусстве и в жизни, понимаемого как приведение воли в состояние гармонии» (Белл 2004, 663).

За этим утверждением стоит другое деление мировой истории.

Традиционная фаза развития цивилизации (до XX века). Человек исследует природу. Геополитика. Войны ведутся за территории и возможность эксплуатировать население, живущее на них.

Индустриальная фаза развития цивилизации (XX век). В центре внимания общества технологии и машины и главные среди них — компьютеры. Геоэкономика. Войны ведутся за ресурсы, транспортные пути и рынки.

Постиндустриальная фаза развития цивилизации (в которую мир входит сейчас). Во главе угла человек. Геокультура. Острое соперничество в типе жизнеустройства, в пространстве смыслов и ценностей, в области проектирования будущего.

В 1949 году Лесли Элвин Уайт цитировал своего предшественника и автора идеи культурологии В. Ф. Оствальда: «Специфически человеческие особенности, отличающие род *Homo Sapiens* от всех прочих животных видов, охватываются наименованием „культура“, следовательно, науку о специфически человеческих способах деятельности вполне можно было бы назвать культурологией...» (Уайт 2011, 69). Для Уайта было очевидно, что культура представляет собою определенную область, изучение которой требует особой науки. Закладывая основы этой «особой науки», которую Уайт вслед за Оствальдом называл культурологией, он предвидел: «предназначение человека на этой планете не сводится только к измерению галактик, расщеплению атома или открытию чудодейственного препарата. Социально-политико-экономические системы — короче говоря, культуры, — внутри которых живет, дышит и размножается род человеческий, во много раз важнее для будущего Человека... „Открытие“ культуры когда-нибудь встанет в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» (Уайт 2011, 72).

Этот прогноз воплощается в той фазе развития цивилизации, в которую сейчас входит человечество. Культура стала полем битвы, объектом управления, важнейшим инструментом социальной организации и самоорганизации — именно это необходимо осознать современным культурологам и поставить в эпицентр интегративных исследований в нашем журнале (см.: Бондарев 2019, 313–314).

Цивилизационные задачи, которые сейчас стоят перед Россией, требуют глубокого культурологического анализа и серьезного общественного обсуждения. Приведу только один индикатор, отражающий состояние отечественной культуры. Трудно переоценить значение языка в этой сфере. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык», — писал В. Гумбольдт. По мысли Льва Толстого: «Язык — это живая плоть, которая создавалась миллионами поколений». Трудно не согласиться с Александром Куприным, считавшим, что «Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но сущностной необходимостью» (Афоризмы о языках... 2025).

В 1960-х годах русский язык знали 350 млн человек. При этом 286 миллионов из них проживали в СССР, где русский был государственным

языком и для большей части его жителей являлся родным, и свыше 70 миллионов человек также в той или иной степени знали русский язык. Он был некоторое время третьим языком по распространенности в мире. Ныне картина иная — это число сократилось до 280 млн. По версии издания «Ethnologies: Languages of the World» сейчас он является родным для 154 млн человек и занимает 8-ю позицию в мировом языковом пространстве (Бетелин 2022). Данные из этой работы представлены на рис. 1.

По теории французского филолога Клода Ажежа распространенность языка в мире определяется тремя факторами:

- технологиями, которыми владеют страны, большинство жителей которых говорит на данном языке;
- усилиями соответствующих стран, вложенными в распространение своего языка и культуры в мире;
- перспективами стран, жители которых говорят на данном языке (Ажеж 2003).

Сопоставим нынешнюю ситуацию с той, которая имела место в 1960-х годах. Однако прежде уточним смысл, в котором будет рассматриваться культура. Очень часто и в научных журналах, и в учебниках основное внимание уделяется художественной культуре. Это ограничение неоправданно сужает поле исследований и заменяет изучение целого анализом части.

В этом отношении глубоким, содержательным и перспективным является подход, предложенный и обоснованный одним из основоположников отечественной культурологии Э. С. Маркаряном: «Средства, благодаря которым происходят процессы аккумуляции и преобразования адаптивно значимого жизненного опыта в биологических системах и в человеческом обществе, качественно различны. Понятие „культура“ позволяет как нельзя лучше в обобщенной форме выразить специфику этих средств применительно к человеческой деятельности. На наш взгляд, адекватной теоретической основой подобного подхода к культуре является ее интерпретация в качестве специфического, надбиологического способа человеческой деятельности, уникального, регулятивного, осваивающе-исполнительного, жизнесберегающего и воспроизводящего механизма, всецело основанного на научении. Что касается базового понятия, которое позволяет непосредственно выразить процессы аккумуляции и преобразования жизненного опыта в человеческих обществах, то им является „динамика культурной традиции“» (Маркарян 2011, 79–80).

Понятие «технологии» можно уточнить, пользуясь «библией индустриальной эпохи» — книгой С. Лема «Сумма технологии»: «В свою очередь, фундаментом наших гипотетических построений будут *технологии*, т. е. обусловленные

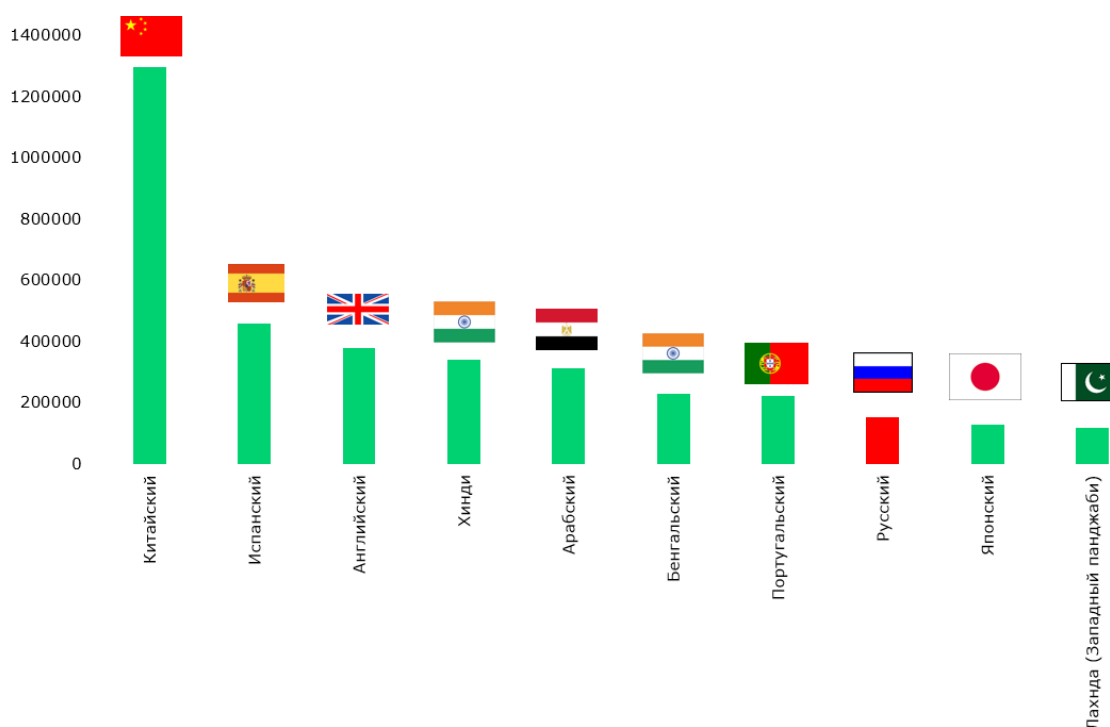

Рис.1. Число людей, считающих родными наиболее распространенные языки планеты

Fig. 1. The number of people considering the world's most common languages as their native language

состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду» (Лем 2021, 4).

Итак, обсудим технологический аспект развития. В 1960-х годах СССР был технологической сверхдержавой. Полет Гагарина в космос, первая атомная электростанция, первый атомный ледокол, создание ракетно-ядерного щита страны не оставляли в этом сомнений. Ныне ситуация иная: многие отрасли промышленности деградировали или не были развиты. Мы не делаем своих мобильных, планшетов, персоналок, маршрутизаторов. Внутри страны мы летаем на иностранных самолетах.

По мнению академика В. Б. Бетелина, курс реформ последних десятилетий на отказ от промышленного развития и создания собственных технологий привел к созданию «торговой экономики»: «Именно поэтому за тридцать лет **ВВП России вырос только на треть** и составил \$ 4,1 трлн. В то время как за эти тридцать лет **ВВП США вырос в 3,7 раза** с \$ 6 трлн до \$ 16 трлн, а **ВВП Китая — в 35 раз** — с \$ 415 млрд до \$ 16 трлн. При этом доходы 50 % населения России в 1980–2016 годах снизились на 26 %, в то время как в Европе выросли на 26 %, а в Китае на 417 %» (Бетелин 2022, 32).

Системный анализ и математическое моделирование показывают, что одной из ключевых причин такого положения дел является низкая восприимчивость российской экономики к инновациям, изобретениям, результатам исследований — своеобразный «вывих культуры» (Капица и др. 2020).

В сети бытует пословица: «Если надо сделать что-то аккуратно — позовите немца. Если надо сделать что-то красиво — пригласите итальянца. Если надо похвастаться сделанным — обратитесь к американцу. Если же немец, итальянец и американец никак добиться результата не могут — зовите русского. Он проблему решит». Попытка реформаторов превратить отечественных рабочих, инженеров, ученых в «купцов» не удалась. Это прекрасно понимается и в России, и в мире. Изменение вектора развития, а с ним и культуры, не дало желаемых результатов.

О необходимости перемен в технологическом пространстве и в динамике культурных традиций не раз говорил президент: «Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает, идет резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она, эта волна, просто захлестнет, утопит. Технологическое

отставание, зависимость означают снижение экономических возможностей страны, а в результате — потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело... Именно отставание — вот главная угроза, вот наш враг. Если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться» (Послание Президента... 2018).

Об усилиях нашей страны познакомить мир с нашими смыслами, ценностями, видением реальности, обоснованием наших интересов, художественной культурой можно не говорить. Людям, побывавшим за границей, положение дел в этой области очевидно. Прежние инструменты в этой области разрушены, а новых, по сути, не создано или их явно недостаточно. Именно поэтому «культура отмены» всего российского, активно проводимая Западом, пока довольно успешно работает. Нас, как правило, не слышат и не хотят слышать. Один из показателей этого — участие в той или иной мере более 50 стран в той войне, которую Запад сейчас ведет против России. Тот, кто пробовал организовать обучение русскому языку за границей или продажу отечественных книг за рубежом, прекрасно понимают, насколько у нас недооценивается этот инструмент влияния на мировое культурное пространство.

Родители стремятся научить детей языку той страны, развитие которой имеет большие перспективы. Новый тип жизнеустройства, который был близок многим людям, предлагал СССР. Вспоминаются слова советской песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых...».

Какое будущее ждет Россию через 30–40 лет? Возникает ощущение, что наше общество больно своеобразной «футорофобией» — нежеланием заглядывать достаточно далеко в будущее. Непонимание завтрашнего дня не позволяет принимать серьезные решения сегодня.

Один из индикаторов этого — серия книг «Будущая Россия», выпускаемая издательством УРСС с 2004 года. Она создавалась как площадка, на которой ученые могли бы рассказать, какими они видят перспективы развития различных сфер жизнедеятельности России в 20–30-летней перспективе. Здесь и технологическое пространство, и научная сфера, и демография, и экономика, расселение, социальные структуры, национальная оборона. За 20 лет выпущено только около 40 книг. Удивляет, что до главных проблем у коллег руки так и не доходят.

К решению цивилизационных задач, стоящих сейчас перед нашей страной, можно относиться по-разному. Поясню это притчей.

Коммивояжеры, представляющие две обувные фирмы, прибыли на тропический остров. «Дело безнадежно. Перспектив никаких, здесь никто не носит обуви», — пишет в телеграмме первый. «Дела прекрасны! Здесь огромное поле деятельности! На этом острове пока никто не носит обуви», — написал второй. Мне ближе взгляд второго коммивояжера. Пессимизм эволюционно не оправдан.

Кто, как не ученые, могут подсказать сценарии выхода из кризиса и предложить инструменты для этого?! Кто, как не они могут довести свои взгляды до общества? Именно они, занимаясь конкретными задачами, могут увидеть общие подходы, касающиеся всех нас. Мне много раз пришлось выступать в этой роли. В качестве примера можно привести широко обсуждавшуюся книгу (Иванов, Малинецкий 2024). Успехи оставляют желать лучшего. Однако дорогу осилит идущий. И журнал для этой очень важной для российского общества работы дает огромные возможности.

Пожелания

Мне довелось провести много времени на заседаниях редакционных коллегий, рецензировать статьи и книги, формировать научные издания. В конце концов, всё кончается одним и тем же: редколлегия формирует пожелания к статьям или критерии их отбора и оказывается в положении старика из пушкинской сказки, который просил у рыбки и одно, и другое, и третье. Если статей много, то авторам приходится разбираться или договариваться, чего же от них хотят.

Поэтому пожелания хочется высказать здесь и сейчас. Конечно, трудно надеяться, что статья будет соответствовать и одному, и другому, и третьему. Но всё же, всё же, всё же.

Системность. Научковеды сейчас насчитывают более 100 тысяч научных дисциплин. Очень часто сотрудники научных институтов не знают, чем занимаются в соседней комнате. Часто ученые становятся похожими на кротов, которые роют ямку — и чем глубже, тем лучше, совершенно не интересуясь тем, что делают другие. В конце концов они знают всё ни о чем. Для культурологии это смерти подобно — в этой области самоорганизация нужна более, чем где-либо. В статьях должна быть ясная постановка задачи. Должны быть большие введения, позволяющие связать рассматриваемые частные проблемы с общими. Они должны быть понятны специалистам в разных областях. Наука — диалог, а не монолог. Очень важно обращать

внимание на связи с другими задачами, если таковые есть. Статьи пишутся для читателей, а не для автора.

Междисциплинарность. Британский писатель, физик, химик и государственный деятель Чарльз Сноу в 1959 году прочитал в Кембридже лекцию «Две культуры и научная революция». В ней он говорил о растущей пропасти между естественнонаучной и гуманитарной культурами. Первая имеет дело с повторяющимися событиями, ориентируется на будущее, имеет дело с формализованным описанием своих субъектов, не признает авторитетов, широко используется при разработке технологий. Вторая во многом обращена в прошлое, часто имеет дело с уникальными событиями, ориентируется на мнения и оценки выдающихся людей, как правило, имеет дело с вербальным, а не с формализованным описанием своих объектов. Эта пропасть приводит к тому, что на одни и те же вопросы они дают противоположные ответы. Это не позволяет обществу опираться на научное знание. Оглядываясь на техногенную фазу развития цивилизации, М. С. Каган писал: «Неудивительно, что современная научно-техническая цивилизация превозносит первые над вторыми, „физику“ над „лирикой“, знание законов материального мира над нравственной и этической сферой духа» (Каган 2011, 92).

В постиндустриальной фазе развития цивилизации ситуация кардинально изменилась. На авансцену вышли междисциплинарные подходы, позволяющие строить мост между естественнонаучной и гуманитарной культурами.

Одним из наиболее успешных среди них стала *теория самоорганизации*, или *синергетика* (термин происходит от сочетания двух греческих слов «совместное» и «действие»). Последний термин ввел немецкий физик-теоретик Герман Хакен, вложив в него два смысла. Во-первых, этот подход, рассматривающий как у целого появляются свойства, качества, стратегии, которыми не обладает ни одна из частей. Во-вторых, это подход, развитие которого требует совместной творческой деятельности гуманитариев, естественников, математиков, технологов.

Популярность синергетики связана с тем, что во множестве дисциплин — социологии, психологии, географии — именно самоорганизация является решающим фактором во множестве процессов. Именно это в сочетании с философской рефлексией позволяет говорить о формировании «новой гуманитаристики» (Малинецкий 2024).

Естественно, это относится к процессам и системам, рассматриваемым в культурологии. И здесь есть большая традиция. М. С. Каган писал: «...общим законом синергетики следует считать не простейшую форму организации, а шкалу ее преобразования во всё более и более сложные структуры. Аналогичный вывод приходится сделать, рассматривая перенесение на развитые общества и культуры установленного синергетикой фундаментального значения случайности для понимания нелинейности, бифуркаций и поливариантности путей развития организационных и дезорганизационных процессов в природе. Несомненна огромная роль случайности и на социокультурном уровне, в движении от гармонии к хаосу и от хаоса к гармонии» (Каган 2011, 96).

Еще одна причина огромного интереса к самоорганизации состоит в том, что это наш главный козырь в биологической и социальной эволюции. Язык, письменность, законодательство, книгопечатание, радио, телевидение, интернет, социальные сети выступают в этом контексте прежде всего как инструменты, облегчающие самоорганизацию. Дело в том, что мы, в отличие от представителей других видов, можем привлечь к решению своих задач любое количество незнакомцев, и это дает большой эффект. Взаимодействие между нами формируется на основе тех культурных норм, которым мы следуем. Огромную роль в осознании важности этого факта сыграл создатель глобальной демографии, выдающийся просветитель Сергей Петрович Капица.

К этому взгляду сейчас приходят многие гуманитарии. Например, автор недавнего бестселлера Ю. Н. Харари пишет: «Решающую роль в завоевании нами мира сыграла наша способность объединять в сообщества массы людей. Современное человечество правит планетой не потому, что отдельно взятый человек более умный и более умелый, чем отдельно взятый шимпанзе или волк, а потому, что *Homo Sapiens* — единственный на Земле вид, способный гибко взаимодействовать в многочисленных группах. Интеллект и производство орудий были, конечно, тоже очень важны. Но не научись люди гибко взаимодействовать в массовом масштабе, наши изобретательные мозги и умелые руки до сих пор были бы заняты расщеплением кремня, а не атомов урана» (Харари 2018, 157).

Использование междисциплинарных подходов можно сравнить с бинокулярным или стереоскопическим зрением, позволяющим гораздо лучше рассмотреть предмет, на который смотрим. Радует, если статьи используют такой взгляд.

Количественные методы культурологии.

Из XVII века — столетия развития наук и технологий — к нам пришел императив Галилея: «Измерить всё, что измеримо, и сделать измеримым всё, что таковым не является». Для чего? Для того, чтобы сделать более простыми и ясными причинно-следственные связи. Когда люди говорят, что нечто является большим или малым, человек, имевший отношение к точным наукам, часто спрашивает: «По сравнению с чем?». Ответ на этот вопрос позволяет часто очень многое прояснить. Конечно, такой взгляд часто вызывал протест у гуманитариев. Гегель писал: «Математика — наука точная, потому что она — наука тощая». В самом деле, если вспомнить «школьную математику» с ее квадратными уравнениями, циркулем и линейкой, окружностями и вписанными углами, то кажется, что она имеет очень малое отношение к жизненным проблемам. За строгость и точность ученые «платили» небольшим количеством используемых моделей. Освальд Шпенглер писал: «Средство для познания мертвых форм — математический закон. Средство для понимания живых форм — аналогия. Таким образом различаются полярность и периодичность мира» (Шпенглер 1993, 129).

Однако всё это далекое прошлое. Математику рассматривают сегодня не только как науку о числах и фигурах, но и как направление, в котором рассматриваются также качества и структуры. Компьютеры преобразили технологии исследования. С человеком и обществом трудно, а иногда и невозможно поставить натурный эксперимент, однако сегодня нам доступен вычислительный эксперимент. Математик, философ, мыслитель Никита Николаевич Моисеев считал, что это преобразит гуманитарные науки (Моисеев 2021).

Конечно, гуманитарные науки говорят на этом языке. Например, Густав Фехнер в 1860 году сформулировал психофизический закон восприятия, устанавливающий логарифмическую зависимость между интенсивностью раздражителя (стимула) J и величиной субъективного ощущения S

$$S = K \ln J + C,$$

где K и C — постоянные. Закон справедлив для любых раздражителей — звука, света, вкусовых ощущений и тому подобного. Именно эта логарифмическая зависимость определяет, например, широту диапазона, в котором мы можем воспринимать звуки — от писка комара до рева реактивного самолета.

В лингвистике важную роль играет закон Ципфа — эмпирическая закономерность распределения частотности слов естественного языка. Если упорядочить слова по убыванию, частотности, то частота использования n -го слова в этом списке P_n соотносится с частотой использования первого слова как

$$P_n = P_1/n.$$

Такая же закономерность характерна для распределения доходов людей по их размерам, для распределения городов по численности населения и для многих других сложных систем. Отклонение от этого закона, например, связанное с административными мерами, существенно увеличивают вероятность социальных нестабильностей. Можно вспомнить слова бывшего градоначальника Москвы Ю. М. Лужкова: «Москва — не Россия, но и Россия — не Москва».

Мы говорили о росте населения мира, для которого самоорганизация, а с ней и культура, определяющая ее формы и существо, играет главную роль. Но простые формулы и картинки позволяют заменить множество общих слов.

В самом деле, британский демограф, священник и экономист Томас Мальтус (1766–1834) считал, что численность популяции любого вида, включая человека, в условиях достатка ресурсов растет в геометрической прогрессии

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N, \quad N(0) = N_0,$$

где α — мальтузианский коэффициент, N_0 — численность вида в начале процесса.

Данные палеодемографии показали, что в отношении человека это неверно. Наша численность росла гораздо быстрее — не в соответствии с законом Мальтуса, а в соответствии с законом Капицы, по крайней мере, в течение 200 тысяч лет.

$$\frac{dN}{dt} = \beta N^2, \quad N(0) = N_0.$$

Решением этого уравнения является гиперболическая зависимость с асимптотой в 2025 году. Если бы тенденции, определявшие наше развитие в течение 200 тысяч лет, продолжали действовать, то к 2025 году нас на планете стало бы бесконечно много. Конечно, этого не происходит. Закон роста населения и соответствующие прогнозы представлены на рис. 2.

Красная кривая соответствует гиперболическому закону, синяя — результатам наблюдения и прогнозам. Видно, что очень быстро, на времени жизни одного поколения, резко уменьшилась скорость роста населения на планете. Перед нами глобальный демографический переход — ключевое событие переживаемой эпохи. Ранее жизнь людей определял императив «высокая смертность — высокая рождаемость». Детей надо было иметь много, чтобы в конце концов кто-то ухаживал бы за стариками. Технологический прогресс привел к уменьшению смертности, и сейчас реализуется иной императив «низкая смертность — низкая рождаемость». Люди меньше надеются на детей, а больше на пенсионные фонды, социальные структуры, медицину. Увеличивается продолжительность жизни и мир стареет. Это глубокие, кардинальные изменения

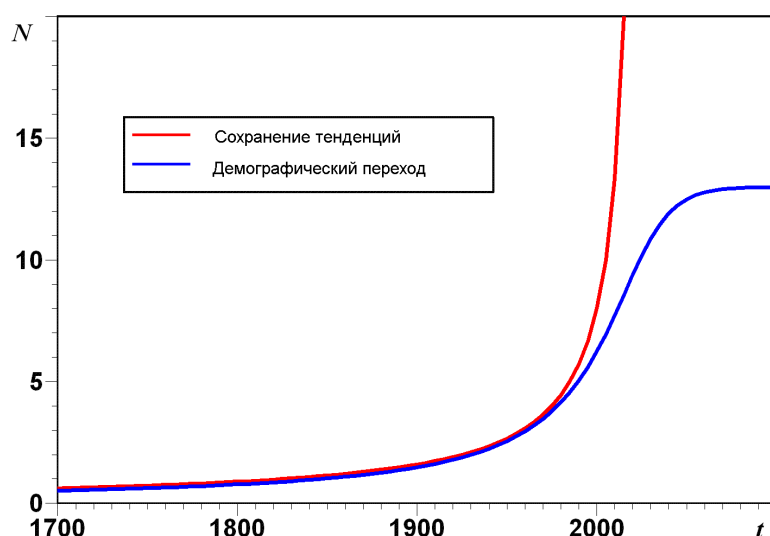

Рис. 2. Закон роста народонаселения в мире

Fig. 2. The law of the world's population growth

в культуре. Время «бури и натиска» прошло, и сейчас формируется новая реальность. Какой она может и какой должна быть, было бы интересно разобраться культурологам и не только им.

Заметим, что было предложено несколько моделей глобального демографического перехода, а с ними и перспектив развития человечества. Большую известность получила модель С. П. Капицы (Капица и др. 2020). Однако здесь много открытых вопросов, которые было бы важно и интересно обсудить при самом активном участии культурологов.

Мне довелось много сотрудничать с гуманитариями и слышать возгласы «Не всё можно измерить», «Действия человека не просчитаешь», «Наличие формул в тексте унижает меня!», «Компьютер никогда не научится играть в го. Здесь нужно стратегическое мышление, и он всегда будет проигрывать человеку...».

Дело не в том, чтобы что-то считать, а в том, какие вопросы мы задаем себе. Напротив, остается удивляться, как много люди научились измерять в сфере, связанной с человеком. Без детального анализа крови сейчас с вами большинство врачей и разговаривать не станет. Для других проблем очень важны количественные характеристики сознания, которые сейчас нейробиологи и физиологи пробуют ввести (Сет 2024).

Многие научные проблемы похожи на запертые двери. Если у вас появился новый ключ, то почему бы не воспользоваться им?

Темпоральность. Многие статьи в культурологических журналах похожи на путеводители по музеям. И в этом нет большой беды — приятно порадоваться достижениям предков и рассказать об этом читателям. Гораздо хуже, когда «не дружат» со временем реформаторы. Попытки «войти в мировую цивилизацию», «построить европейский дом от Лиссабона до Владивостока», вера в то, что капитализм — будущее всего человечества, а либерализм — единственно верное научное учение, у всех нас перед глазами. И их результаты тоже.

Прорывы и свершения одного времени могут быть неуместны в другое и проявлением реакции — в третье. В Европе после великих Платона, Аристотеля и Евклида много веков не развивали философию и математику... История не любит «неуспевающих» и не всегда поддерживает «отличников». Об этом писали Гегель, Данилевский, Шпенглер, Ключевский, Бродель и еще очень многие. В конце концов Арнольд Тойнби призывал историков расширить поле исследований во времени и пространстве. Имен-

но понимание культуры и истории разных цивилизаций он считал основой для стратегического прогноза.

Не хотелось бы пересказывать классиков. Приведу лишь цитату выдающегося этнолога, историка и мыслителя Льва Николаевича Гумилева. Этот текст содержится на последних страницах его последней книги, написанной в 1992 году.

«Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохраняется право быть самим собой, объединенная Россия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами — пытались сделать всех одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за „своих“ друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем добиться сейчас благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные перспективы... Конечно, можно попытаться „войти в круг цивилизованных народов“, т. е. в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» (Гумилев 1992, 299).

Культурология показывает, что люди в разные исторические эпохи и в разных фазах этногенеза, а с ними и культура, сильно меняются. Наглядно это показывают комедии: юмор и сатира стареют очень быстро, и без больших комментариев трудно разобраться, что люди имели в виду и над чем смеялись даже несколько веков назад. Другой пример — «Илиада» и «Одиссея». На наш нынешний взгляд это очень жестокие книги.

Внимание к темпоральному измерению объектов исследования было бы очень ценно для нашего журнала.

Научность. На упреки в «недостаточной научности» культурологии обращал внимание Х. Г. Тхагапсоев. Он цитирует И. Т. Касавина: «Вряд ли можно считать культурологию отдельной научной дисциплиной, наряду с философией, социологией, этнологией и прочими».

Критическая позиция присутствует и в работах зарубежных авторов, например, Ю. Шеррер: «...Культурология в России превращается в специфическую русскую науку, в проявление эпистемологического национализма», «русской культурологии недостает научности» (Тхагапсоев 2011, 26). В данной работе Х. Г. Тхагапсоев связывает эти упреки не с существом проблемы, а с формой — недостаточностью профессионального языка: «Но самое главное в данном случае заключается в том, что язык науки, выступая как средство общения (коммуникации), служит интересубъективным основанием профессиональной деятельности научного сообщества. В науке в целом, как известно, это достигается за счет математики (универсального научного языка), а также путем формирования и развития целого ряда функционально специализированных языков — подсистем языка науки. Речь, в частности, идет о таких функциональных языках, как ассерторический (язык утвердительных суждений, понятий, терминов, категорий), процедурный (язык измерений, сравнений, ранжирования, классификации), модальный (язык отношений, концептов, моделей), эретический (язык постановки задач, формулирования проблем), эвристический (язык метафор и аналогий) и аксиологический (язык оценочных позиций и ценностных). В арсенале нашей культурологии, конечно же, содержатся некие формы и варианты почти всех приведенных языков науки, особенно — языков метафор и аксиологии, увы — при явной недостаточности модальных и эретических языков» (Тхагапсоев 2011, 28).

На мой взгляд, стоит напомнить строки Шекспира:

*«Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет».*

Язык определяется содержанием предмета и рассматриваемыми проблемами. Полагаю, что Касавин не прав. Разумной, по-видимому, является эйнштейновская трактовка науки, в которой утверждается необходимость «внешнего оправдания» (результатов наблюдений, опытов, явлений, процессов, требующих объяснения, понимания и, возможно, управления). В этом смысле философия и теология не являются науками. Это другой тип рефлексии. В них нет ни результатов наблюдений или экспериментов, которые нужно было бы объяснить, ни тех вопросов, заданных предшественниками, на которые их последователи должны были найти или хотя бы искать ответы. Зато есть возможность «перевернуть доску», объявив вопросы, заданные предшественниками, бессмысленны-

ми и задав новые. В свое время Бертран Рассел предложил такую характеристику философии: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она вызывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Всё *определенное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат теологии. Но между наукой и теологией имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия» (Рассел 2017, 9–10).

В этом смысле и математика является не наукой, а скорее областью искусства: у нее нет внешнего оправдания. Опыты не могут подтвердить или опровергнуть результат рассуждений и даже корректность использованных инструментов. Неевклидовы геометрии так же последовательны и непротиворечивы, как евклидова; кроме аристотелевой логики есть множество неаристотелевых. В XX веке было понято, что есть много разных «математик». В одних теориях $ab = ba$, в других $ab \neq ba$, в одних $a \cdot (b \cdot c) = (a \cdot b) \cdot c$, а в других $a \cdot (b \cdot c) \neq (a \cdot b) \cdot c$. Представители других наук выбирают, что из этих теорий лучше описывает сущности, с которыми они имеют дело.

У культурологии есть и «внешнее оправдание», и стремление к «внутреннему совершенству», она может сыграть важную роль в нашем обществе. «Задаваясь, следуя духу прагматического времени, вопросом, зачем обществу нужно знание о культуре, можно сказать, что культура как накопленная, так и развивающаяся, помогает обществу выжить... Культурология, которая имеет не только социальную, но и гуманитарную составляющую в своем предметном поле, способствует осмыслению человеком своего места в культуре, что придает личности внутреннюю устойчивость, помогает в выборе ценностных ориентиров, облегчает процессы межличностного взаимодействия», — пишет Н. Г. Багдасарьян (Багдасарьян 2013, 183–185). С этим трудно не согласиться.

Культурология представляет, по сути, своеобразный синтез идей, исследовательских программ, подходов многих социальных, гуманитарных и естественных дисциплин. Это заставляет считать ее не только отдельной новой наукой, но и *трансдисциплинарным*, а скорее даже *интегративным научным подходом*.

Исходя из полувекового опыта развития синергетики и идей М. С. Кагана, видевшего ее тесную связь с исследованием культуры, можно «подсмотреть» многое из методологии, динамики, тенденций развития культурологии у синергетики.

В самом деле, оба этих подхода опираются на *исследования, находящиеся в области пересечения сфер предметного знания, философской рефлексии и математического моделирования*. Схожим образом мыслит А. В. Костина: «Если говорить об основном научном методе культурологии, то именно метод культурного моделирования, направленный на разделение объектов в систематизированные группы с помощью идеализированной модели, является одним из основных» (Костина 2011, 244).

Болезнью многих дисциплин является их замена философией или историей этой науки.

И здесь есть убедительный ответ: «В связи с этим культурология исходит не из философского понимания культуры как сферы проявления свободы человека, а акцентирует внимание как раз на тех ее аспектах, которые позволяют изучать культуру в большей степени как сферу необходимости, задаваемую природой и обществом, в границах которой только и может действовать человек. В контексте такого понимания культура выступает как регулирующая система, удерживающая человека в достаточно жестких рамках, которые он все время стремится раздвинуть и преодолеть при помощи способов, формируемых все той же культурой. Смыслом же человеческого существования становится либо усвоение границ культуры и принятия их как данности, либо стремление выйти за эти границы и сформировать новые пространства...» (Костина 2011, 243).

Рассмотрение культурологии как трансдисциплинарного научного подхода позволяет расширить круг работ, заслуживающих внимания в этом контексте, и количество исследователей, по существу занимающихся культурой. К тому же слово «интегративных» в названии журнала к этому обязывает.

Впрочем, дело не в названии. Есть гораздо более важный фактор, отражающий существо и роль науки в обществе. Коротко говоря, одни науки направлены на то, чтобы выяснить, как устроены изучаемые ими объекты, а другие вдобавок к этому выясняют, как управлять тем, что они исследуют. Конечно, полезными могут быть и те, и другие. Например, совершенствуя инструменты наблюдения в космологии, ученые и инженеры очень многому научились. Культурология не такова. Очевидно, что наряду с ре-

шением своих внутренних проблем она должна помогать сформулировать культурную стратегию и политику страны, дать прогноз развития этой сферы, осознать и помочь изменить к лучшему место нашей страны в мировом культурном пространстве. Наконец, очень важна была бы ее помощь в решении тех цивилизационных задач, которые сейчас стоят перед Россией.

Конечно, ученый может всю жизнь биться над волнующей его проблемой, но грустно существование области исследований, представители которой живут в «башне из слоновой кости». Поэтому пока влияние культурологии на общественные процессы следует признать более чем скромным. Но, с другой стороны, это означает, что впереди огромное поле деятельности...

Видимо, исторически сложилось так, что акцент в отечественной культурологии был сделан на художественной части культуры. Но ведь это очень небольшая часть того, что относится к культуре! И, конечно, развивая интегративные процессы в этой области, следует значительно расширить пространство исследований.

В самом деле, в качестве примера можно обратить внимание на стремительную деградацию научной культуры в нашей стране. В ходе реформ чиновники победили не только инженеров, но и ученых. Появились удивительные термины «автоплагиат», «самоцитирование», дипломы и диссертации начали прежде всего рассматриваться не по тем задачам, которые в них решены, а по компьютерной справке, указывающей, что, как и у кого защищающийся «украл».

Взяли на себя инквизиторские функции «Диссернет» и «Комиссия по борьбе с лжеучеными». Рейтинг ученых волей наших чиновников начал определяться тем, печатают ли их в зарубежье. Парадоксальным образом в 2013 году Российскую академию наук лишили научных институтов и статуса научной организации. В соответствии с принятым и утвержденным правительством уставом Академии наук запрещено... заниматься научными исследованиями (!). Против этого устава на общем собрании голосовал с десяток членов Академии.

Кажется, что мы оказались в странной ситуации и протестов против всего этого и у участников происходящего действия, и у «зрителей» на удивление мало. Естественно было бы попытаться выяснить, что и каким образом произошло с этой частью культуры, во многом определяющей наше будущее, и предложить сценарии выхода из этой ситуации, в которой мы оказались. Хочется думать, что у авторов

дойдут руки и до этой, и до многих других проблем, пока остающихся на периферии отечественной культурологии.

Субъектность. Чаще всего в мифах и сказках многое начинало происходить после третьего крика петуха. Думается, что у многих исследователей культуры, упустивших три первых крика магической птицы, имеет место именно такая ситуация.

Под *субъектностью* понимают способность цивилизации, этноса, социальной группы менять свою реальность, ставить и добиваться воплощения значимых целей, контролировать и оценивать свои действия и управлять ими.

Важной чертой субъекта является способность к *рефлексии*. Последнее свойство известный психолог В. А. Лефевр определяет так: «Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании — это способность встать в позицию „наблюдателя“ или „контролера“ по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям. Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия — это также способность вставать в позицию исследователя по отношению к другому „персонажу“, его действиям и мыслям» (Лефевр 2000, 11). Важной формой рефлексии является совесть. Заметим, что в европейских языках нет слов, в которые люди, говорящие на них, вкладывают тот же смысл, что и мы.

Дело в том, что культура стала в современном мире оружием, которое одни субъекты активно применяют против других, стремясь достичь своих целей.

Первым сигналом, требующим серьезного исследования культурологов, стало разрушение советской культуры, кризис рефлексии в результате революции 1991 года, которые известный социолог С. Г. Кара-Мурза охарактеризовал как «Утрату здравого смысла. Утрату логики. Утрату меры».

Чтобы напомнить масштабы перемен приведем несколько цитат.

Главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Б. Дондурей в 1995 году анонсировал годовую кинопродукцию (45 фильмов) и называл в качестве одной из причин отвращения к ним массового зрителя: «Почти во всех без исключения современных фильмах государственные институты в лице носителей их функций интерпретированы резко негативно» (Дондурей 1995).

Детально блокировка рефлексии граждан России в начале реформ описана в книге С. Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум». В частности, в ней он пишет: «Исполнено презрения и отношение непосредственно к людям — поначалу

советским, теперь жителям РФ. Директор ВЦИОМ Ю. Левада в статье для “Новой газеты”, выложенной в Интернете, излагает общую установку либеральной интеллигенции нашей страны: “Главные особенности «человека советского» когда-то описывались одним точным выражением — «лукавый раб» (Г. Заславская): бесправный, покорный, но себе на уме, умеет обманывать судьбу и начальство, обходить любой закон. Исследования и опыт последнего времени показывают, что в этом отношении человек не слишком изменился”» (Кара-Мурза 2005, 697).

Вспомним знаковое стихотворение И. Бродского: «Холуй трясется. Раб хохочет. / Палач свою секиру точит. / Тиран кромсает каплуна. / Сверкает зимняя луна. / Се вид Отечества, гра-вюра».

Известный философ Мераб Мамардашвили в 1992 году писал: «На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX века единственным обладателем автономного мышления в России — Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» (Мамардашвили 1992, 11).

Тридцать с лишним лет назад реформаторы надеялись на кардинальное изменение культурного пространства России. Оппоненты считали, что это не удастся сделать и динамика будет другой: «... “починка” сознания пойдет не через сдвиг к постмодернизму, а через восстановление методов и норм мышления, выработанных Просвещением — с их необходимой модернизацией, но без отрыва от главного ствола рациональности Нового времени» (Кара-Мурза 2005, 4).

Многое с тех времен изменилось. Каков сейчас уровень общественного сознания в разных ипостасях культуры? Какова его динамика и перспективы? Очевидно, ответы на эти вопросы должны быть получены в ходе совместной работы социологов и культурологов.

Второй звонок был связан с выходом в 1996 году книги Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В ней он предсказывает в XXI веке беспощадную схватку 9 сложившихся на Земле цивилизаций за тающие невозполнимые ресурсы. По его мысли, непримиримость цивилизаций определяют различие смыслов, ценностей, проектов будущего, религий, лежащих в основе их культурного кода. Каждая цивилизация тем или иным способом обеспечивает себя ресурсами,

необходимыми для промышленного производства, поэтому прогноз Хантингтона означает, по сути, переход от геоэкономики к геокультуре, к острому соперничеству в мировом пространстве. По его мысли, «для большинства людей культурная идентичность — самая важная вещь».

Мир России он называет «восточно-христианской цивилизацией», считает ее расколотой и предвидит ее уход с исторической арены в ближайшие десятилетия. Наша задача состоит в том, чтобы этот прогноз не оправдался. Для этого надо защищать свои мысли, ценности, культурное пространство, формировать свой проект будущего.

Этот круг вопросов оказался очень важен для осмысления политических менталитетов правящих стран, что необходимо для эффективного взаимодействия с ними (Ракитянский 2020).

Третий сигнал — нынешняя вторая холодная война, которую сейчас Запад ведет против России.

Его попытки переписать историю, «отменить» нашу культуру требуют продуманных энергичных усилий от культурологов. Здесь огромное поле важной востребованной работы.

Несколько лет назад А. В. Бондарев предлагал организовать серию круглых столов и конференций на тему «Культура как оружие массового поражения и ресурс национальной безопасности», регулярно издавать сборники по этой теме (Бондарев 2019). На Западе подобные усилия предпринимаются самым активным образом. К сожалению, инициативы А. В. Бондарева не были поддержаны. Однако ситуация меняется и, возможно, время работ в этом направлении и соответствующих обсуждений наконец-то пришло...

Конструктивность. Прогноз, предсказание, предвидение являются ключевыми функциями науки. Естественно, это очень ценно в работах культурологов.

Научные публикации можно разделить на две большие группы. Работы первой из них отвечают на вопрос, как устроен исследуемый объект или система. Конечно, они могут быть очень важны. Крылатое изречение «Нет ничего практичней хорошей теории» приписывают основателю молекулярно-кинетической теории Людвигу Больцману, а также множеству других выдающихся ученых.

Однако оценка науки, направления, школы исследователей обществом обычно определяется второй группой работ. Работы второй группы отвечают на вопрос «что делать?». Это очень важная группа работ, особенно в ситуации

нынешнего культурного кризиса. Конструктивность сейчас очень и очень важна.

Приятно перебирать фамильное серебро и анализировать выдающиеся достижения прошлого. Тем не менее реальность стремительно меняется, а с ней и культурное пространство. Если считать биосферу первой природой, техносферу — второй, то у нас на глазах рождается третья природа — информационно-телекоммуникационное пространство.

В мире работает более 6,2 млрд компьютеров, 5,8 млрд человек в 2023 году пользовались интернетом. По прогнозу основателя и руководителя Давосского экономического форума Клауса Шваба и привлеченных им экспертов к 2025 году на земле будет установлено более 1 трлн датчиков, фиксирующих разговоры, действия, передвижения, сообщения людей («наблюдатчиков», как их иногда называют), в продажу поступят вживленные мобильные телефоны, и у более 90 % людей будут смартфоны (Шваб 2017, 16). Производительность компьютеров за время их существования увеличилась в 10^{15} раз, и сейчас системы искусственного интеллекта могут рисовать картины и менять их по желанию заказчика. Компьютеры умеют готовить «коктейли» из музыкальных произведений (например, «смешать» 30 % Моцарта, 30 % Бетховена и 40 % Гершвина). Учителя часто называют нынешних школьников «поколением с опущенным взором» — взор их опущен в мобильники и планшеты. Одним из самых серьезных наказаний для них стало лишение их на некоторое время компьютерных игр.

В былые времена капиталисты стремились удовлетворить потребности населения. В ходе пятого технологического уклада (1970–2010) СМИ и реклама научились формировать потребность, внушать людям желание купить то или другое.

Однако реальность продолжает стремительно меняться. Известный российский экономист М. Г. Делягин пишет: «Суть современного информационного взаимодействия — обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. Бизнесу нужно удержание внимания, пользователю — новые эмоции. Содержательная деятельность (включая традиционный обмен труда на материальные блага) сама по себе на глазах перестает быть ценностью...

При этом уже ставшее традиционным клиповое сознание переходит в «кликерное»: нуждающееся в постоянной незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради получения эмоции, а не результата» (Делягин 2023, 17).

Каков будет внутренний мир и мировоззрение у людей, живущих в этой новой реальности? Здесь есть над чем подумать.

Один из специалистов по искусственному интеллекту (ИИ) Кай-Фу Ли предсказывает, что через 10–15 лет примерно половина работающих в США останутся без того дела, которым занимаются сейчас. Их заменят машины. В мире появятся сотни миллионов «лишних людей». Это социальный и культурный шок. Проектирование будущего становится одной из ключевых задач современной науки. Нет времени и ресурсов для того, чтобы действовать методом проб и ошибок — надо предвидеть перемены, формировать образ желаемого будущего и предлагать управляющие воздействия, которые могут к нему привести.

Конечно, наряду с анализом глобальных проблем интересны и детали, выступающие как индикатор будущих перемен. Калькулятор уничтожил устный счет в школе. Пульт телевизора, позволяющий быстро «скакать» с канала на канал, по сути, уничтожил фильмы на телевидении. Самые серьезные передачи идут вперемежку с рекламой. Ток-шоу предлагают не содержательный анализ, а винегрет из мнений и оценок. Номо Есonomicus теснит культуру... В битве телесериалов с фильмами первые начинают и уверенно выигрывают. Книжные магазины исчезают с улиц городов. Ориентирами стали не «взрослые» фильмы, а картины, ориентированные на детей и подростков: циклы «Звездные войны», «Матрица», «Гарри Поттер», «Аватар», «Игра престолов». Фэнтези вытеснило фантастику — люди видят будущее в прошлом. Век антиутопий — «утопий» сегодня днем с огнем не найдешь. Помнится, когда несколько десятков лет назад я писал, что вскоре люди будут пить воду из бутылок, меня обвинили в беспочвенном алармизме. Ремесло Кассандры дело нелегкое и неблагодарное, но совершенно необходимое для общества.

«Интегративные исследования культуры» должны интересовать очень многих. Например, наше Министерство культуры. Меня всегда интересовало, почему французы смотрят снимаемые сейчас французские фильмы, а российские зрители предпочитают советские картины. Беда только в том, что они знают их уже наизусть... Может быть, освоив культурологичность мышления, иерархии министерства и привлеченные ими эксперты перестанут гробить сценарии картин, которые стоит или хотя бы можно смотреть.

Образовательный императив. Мы имеем удивительную возможность взаимодействовать

с людьми будущего и регулярно это делаем, общаясь с воспитанниками детских садов, школьниками и студентами. Через десяток-другой лет им предстоит взять на свои плечи ответственность за происходящее в нашем Отечестве.

Удивительным образом коллеги в своих статьях обсуждают, как готовить будущих культурологов или как преподавать культурологию, обычно не уделяя внимания главному — сути нашего образования. Императив отечественного образования, на мой взгляд, прекрасно определил выдающийся культуролог Юрий Михайлович Лотман:

«Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Эти три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство — это по сути своей Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу» (Лотман 2010, 17).

К сожалению, нынешнее российское образование удивительно далеко от этого императива...

Культура — не результат, а процесс. Два «потерянных поколения» — и преемственность теряется. Страны, этносы или цивилизации становятся другими или гибнут. История дает немало примеров этого.

Советскую школу, считавшуюся одной из лучших в мире, разрушали под лозунгом, выдвинутом психологом от образования А. Г. Асмоловым: «От культуры полезности к культуре достоинства», вводя личностно-ориентированную систему образования. Неважно, что знает учитель и ученик, важно, чтобы в процессе обучения его личность росла. Впрочем, как об этом судить, неясно, но для развала, очевидно, это и не важно. Советскую школу с ее знаниями, умениями, навыками объявили *тоталитарной*, поскольку та школа была основана на предметоцентричной системе, в которой ученика оценивали по тому, как он освоил преподаваемые предметы, а учителя — по успехам подопечных. Восемь экзаменов для выпускников по разным предметам, полноценные сочинения, вступительные экзамены, которые принимали комиссии в вузах, молодым учителям и родителям ныне кажутся сказкой.

Результаты образовательных реформ последних десятилетий проявились очень быстро. По международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA) проверяется умение 15-летних школьников применять знания по математике, физике и естественным наукам и по чтению на родном языке. Рассматриваются не «сильные ученики»,

не «олимпиадники», а средние школьники без малого восьмидесяти стран. В 2018 году по части математической грамотности наши ребята заняли 30-е место, по естественным наукам 33-е, по читательской грамотности — 31, уступая ребятам из многих стран НАТО (Международная программа... 2025). Заметим, что на первых местах обычно находятся школьники из стран, делающих акцент на научно-техническом развитии. Например, по математике в 2018 году лидеры — 4 провинции Китая, Сингапур, Макао (КНР), Гонконг (КНР), Тайвань, Япония, Южная Корея. Та же картина с физикой и читательской грамотностью. Огромный урон нанесла нашим школьникам ранняя профилизация. Половина ребят не знают и не хотят знать «всю эту гуманитарщину», другая игнорирует «арифметику» и то, что с ней связано. В стране остро не хватает учителей. Тем, кому приходилось искать учителей для работы в школе, не надо объяснять, что ситуация отчаянная. Культура российских учителей кардинально отличается от культуры советских педагогов. Это огромная проблема. Деньгами ее не решить.

Далее большинство авторов и читателей журнала участвуют в удивительном эксперименте «высшее образование». Мне, например, довелось учить магистров (шестикурсников по-старому) ведущего технического вуза... складывать дроби. Бакалавр еще не специалист. Кто захочет иметь дело с медиком бакалавром, пилотом, а также учителем, инженером с такой подготовкой и т. д.? Магистр — уже не специалист. Математика мы должны, например, принимать в магистратуру по юриспруденции и наоборот. Кем будут эти люди? Математическими юристами или юридическими математиками?

Программы — это отдельная проблема. «Пушкин и Солженицын не могут быть в одной программе! „Гений и злодейство — две вещи несовместные“. Вы — взрослые — разберитесь сами, что и как, а потом уже нас спрашивайте», — говорил мне один школьник. Мне нечего было ему ответить.

Возвращаясь к лотмановскому императиву, можно прийти к выводу, что в нашей средней школе должно быть три приоритета: Русский язык (включая великую русскую литературу), История и Математика. Приоритетов не может быть много. Язык — системообразующая сущность для нашей цивилизации. История и Литература должны давать следующему поколению крылья — понимание того, чем следует гордиться, и шанс избежать уже сделанных нами ошибок. Математика — наука свободы, показывающая,

что после выбора аксиом можно не «верить» и не «опираться на авторитеты», а доказывать. Это важно и для друзей, и для врагов.

Может быть, есть и другие мнения и оценки. Их стоит обсудить до того, как будут приняты решения в этой ключевой для нашей цивилизации области. Конечно, это можно сделать на страницах журнала.

Вопреки Великому Инквизитору. В романе Достоевского Великий Инквизитор объяснял Христу суть своих дел: «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете». Арестованный по приказу инквизитора ответил молчанием. И он, и суровый следователь понимали, что императивы противоположны.

Каковы наши императивы? Вероятно, это Свобода, Ясность, Надежда.

Видимо, из этого надо исходить при отборе статей. Ссылки на классиков и современников, принадлежность к известным научным школам и, конечно, степени и звания авторов ничего не решают в оценке конкретных текстов, которые авторы хотят опубликовать. Конечно, это относится не только к науке, но и к философии. Идеи Аристотеля, Платона, Канта, Гегеля и других основоположников могут вдохновлять и восхищать, заставляя переосмысливать поставленные ими проблемы. Тем не менее не стоит забывать, что все они решали значимые для них задачи в конкретный период истории, в определенной фазе развития этноса, оперируя представлениями своего времени. В калейдоскопе философских и религиозных идей можно найти подтверждение любым взглядам. Прелесть науки связана с императивом Галилея: «*Я предпочитаю найти одну истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины*».

Интегративность и междисциплинарность заставляют ясно и точно излагать материал в форме, которая доступна представителям других дисциплин или научных направлений. Наверно, с этим трудно согласиться исследователям, которые «знают всё ни о чем», но без этого не будет диалога и самоорганизации в сообществе людей, занимающихся исследованиями культуры. И то, и другое сейчас необходимо. Очень полезна краткая и точная формулировка новой идеи, представленной в статье.

Сложные системы и процессы допускают множество проекций, позволяющих разобраться в них. Велико и многообразие точек зрения на исследуемые процессы... Очень широким является термин «понимание». В одних дисциплинах он означает, что мы можем нечто

лучше сделать, чем Природа, в других — уровень знаний, позволяющий эффективно испортить изучаемое. Приходится определяться и выбирать угол зрения, не опираясь на чудо, авторитет и тайну вопреки требованиям Великого Инквизитора...

Современные реалии с особой остротой повышают значимость знаний, позволяющих расширять и совершенствовать культурное пространство нашей цивилизации — мира России. Всем нам нужно то, что позволяет двигаться через тернии к звездам.

Мы с коллегами надеемся, что такие статьи у нас будут.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Ажеж, К. (2003) *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*. М.: Едиториал УРСС, 304 с. *Афоризмы о языках*. [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.ru/yazyki-citaty-i-aforizmy> (дата обращения 10.01.2025).
- Багдасарьян, Н. Г. (2013) Культурология в системах образования: познавательная значимость и методологический потенциал. *Мир культуры и культурология*, № 3, с. 183–189.
- Белл, Д. (2004) *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. 2-е изд. М.: Academia; CLXX+, 788 с.
- Бетелин, В. Б. (2022) Горизонты цифрового будущего страны завтра — это модели ее образования и экономики сегодня В кн.: Г. Г. Малинецкий (ред.). *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*. М.: Изд-во Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, с. 30–35. <https://doi.org/10.20948/future-2022-2>
- Бондарев, А. В. (2019) Прикладной потенциал культурологии в решении проблем национальной безопасности: программирующие, регулятивные и мотивирующие функции культуры. В кн.: *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета Профсоюзов, с. 313–314.
- Бродский, И. (1972) *Набросок*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rupoem.ru/brodskij/xoluj-tryasetsya-rab.aspx> (дата обращения 10.01.2025).
- Гумилев, Л. Н. (1992) *От Руси к России. Очерки этнической истории*. М.: Экспресс, 336 с.
- Делягин, М. Г. (2023) *Мир после информации. Стабильность [с] той стороны*. М.: Институт проблем глобализации, 218 с.
- Дондурей, Д. Б. (1995) О конструктивной роли мифотворчества. В кн.: Т. И. Заславская (ред.). *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект-Пресс, 511 с.
- Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г. (2024) *Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука*. М.: URSS, 304 с.
- Каган, М. С. (2011) Синергетика и культурология. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 91–101.
- Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. (2020) *Синергетика и прогнозы будущего: Образование. Демография. Проблемы прогноза. Кн. 2*. 4-е изд. М.: URSS, 384 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2005) *Потерянный разум*. М.: Эксмо, 735 с.
- Костина, А. В. (2011) История и перспективы подготовки специалистов культурологов. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 242–250.
- Лем, С. (2021) *Сумма технологий*. М.: АСТ, 736 с.
- Лефевр, А. (2000) *Конфликтующие структуры*. 3-е изд. М.: Изд-во Института психологии РАН, 136 с.
- Лотман, Ю. М. (2010) Чему же учатся люди? В кн.: *Чему учатся люди? Статьи и заметки*. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, с. 13–17.
- Малинецкий, Г. Г. (2024) *Постиндустриальный вызов и новая гуманитаристика: Взгляд на проблемы человека через призму самоорганизации*. М.: URSS, 232 с.
- Мамардашвили, М. К. (1992) Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбаум). *Вопросы философии*, № 4, с. 70–72.
- Маркарян, Э. С. (2011) Культура как способ социальной самоорганизации. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 79–90.
- Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся*. (2025) [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная_программа_по_оценке_образовательных_достижений_учащихся) (дата обращения 11.01.2025).

- Моисеев, Н. Н. (2021) *Математика ставит эксперимент. О построении математических моделей: Сделать математику неоценимым помощником любого специалиста — от гуманитариев и экономистов до физиков и инженеров*. 2-е изд. М.: URSS, 232 с.
- Послание Президента Федеральному Собранию (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180301/1515512123.html> (дата обращения 11.01.2025).
- Ракитянский, Н. М. (2020) *Ментальные исследования глобальных политических миров*. М.: Изд-во Московского университета, 463 с.
- Рассел, Б. (2017) *История западной философии: в 2 т. Т. 2. Кн. 3*. М.: АСТ, 512 с.
- Сет, А. (2024) *Быть собой: Новая теория сознания*. М.: Альпина нон-фикшн, 400 с.
- Список языков по количеству носителей (2024) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_языков_по_количеству_носителей (дата обращения 10.01.2025).
- Тхагапсоев, Х. Г. (2011) Проблема идентичности в когнитивно-эпистемологической системе культурологии. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 26–35.
- Уайт, Л. Э. (2011) Наука о культуре. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 69–78.
- Хантингтон, С. (2003) *Становление цивилизаций*. М.: АСТ, 603 с.
- Харари, Ю. Н. (2018) *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синбад, 496 с.
- Шваб, К. (2017) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо, 208 с.
- Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Геистальт и действительность*. М.: Мысль, 670 с.

References

- Aforizmy o yazykakh [Aphorisms about languages]*. (2025) [Online]. Available at: <https://citaty.su/yazyki-citaty-i-aforizmy> (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Azhezh, K. (2003) *Chelovek govoryashchij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki [The speaking human: The contribution of linguistics to the humanities]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 304 p. (In Russian)
- Bagdasaryan, N. G. (2013) Kul'turologiya v sistemakh obrazovaniya: poznavatel'naya znachimost' i metodologicheskij potentsial [Culturology in education systems: Cognitive significance and methodological potential] *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 183–189. (In Russian)
- Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society: A venture in social forecasting]*. 2nd ed. Moscow: Academia Publ.; CLXX+ Publ., 788 p.
- Betelin, V. B. (2022) Gorizonty tsifrovogo budushchego strany zavtra — eto modeli ee obrazovaniya i ekonomiki segodnya [Horizons of the country's digital future tomorrow are models of its education and economy today]. In: G. G. Malinetskij (ed.). *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti [Designing the future. Problems of digital reality]*. Moscow: Keldysh Institute of Applied Mathematics Publ., pp. 30–35. <https://doi.org/10.20948/future-2022-2> (In Russian)
- Bondarev, A. V. (2019) Prikladnoj potentsial kul'turologii v reshenii problem natsional'noj bezopasnosti: programmiruyushchie, regulativnye i motiviruyushchie funktsii kul'tury [Applied potential of cultural studies in solving national security problems: Programming, regulatory and motivating functions of culture]. In: *Mirovye razvitiye: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya [World development: problems of predictability and manageability: XIX International Likhachev Scientific Readings]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., pp. 313–314. (In Russian)
- Brodskij, I. (1972) *Nabrosok [Sketch]*. [Online]. Available at: <https://rupoem.ru/brodskij/xoluj-tryasetsya-rab.aspx> (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Delyagin, M. G. (2023) *Mir posle informatsii. Stabil'nost' [s] toj storony [The world after information. Stability [on] the other side]*. Moscow: Institute of Globalization Problems Publ., 218 p. (In Russian)
- Dondurej, D. B. (1995) O konstruktivnoj roli mifotvorchestva [On the constructive role of myth-making]. In: T. I. Zaslavskaya (ed.). *Kuda idet Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya [Where is Russia going?.. Alternatives of social development]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 511 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1992) *Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoy istorii [From Rus' to Russia. Essays on ethnic history]*. Moscow: Ekopros Publ., 336 p. (In Russian)
- Hantington, S. (2003) *Stanovlenie tsivilizatsij [The clash of civilizations and the remaking of world order]*. Moscow: AST Publ., 603 p. (In Russian)
- Harari, Yu. N. (2018) *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushchego [Homo Deus: A brief history of tomorrow]*. Moscow: Sinbad Publ., 496 p. (In Russian)
- Ivanov, V. V., Malinetskij, G. G. (2024) *Rossiya: XXI vek. Strategiya proryva. Tekhnologii. Obrazovanie. Nauka [Russia: XXI century. Breakthrough strategy: Technologies. Education. Science]*. Moscow: URSS Publ., 304 p. (In Russian)
- Kagan, M. S. (2011) Sinergetika i kul'turologiya. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 91–101. (In Russian)

- Kapitsa, S. P., Kurdyumov, S. P., Malinetskij, G. G. (2020) *Sinergetika i prognozy budushchego: Obrazovanie. Demografiya. Problemy prognoza. Kn. 2 [Synergetics and future forecasts: Education. Demography. Forecasting problems. Book 2]*. 4th ed. Moscow: URSS Publ., 384 p. (In Russian)
- Kara-Murza, S. G. (2005) *Poteryannyj razum [The Lost Mind]*. Moscow: Eksmo Publ., 735 p. (In Russian)
- Kostina, A. V. (2011) Istoriya i perspektivy podgotovki spetsialistov kul'turologov [History and prospects of training culturalologists]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 242–250. (In Russian)
- Lefevr, A. (2000) *Konfliktuyushchie struktury [Conflicting Structures]*. 3rd ed. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences Publ., 136 p. (In Russian)
- Lem, S. (2021) *Summa tekhnologii [Summa Technologiae]*. Moscow: AST Publ., 736 p. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2010) Chemu zhe uchatsya lyudi? [What do people really learn?]. In: *Chemu uchatsya lyudi? Stat'i i zametki [What Do People Learn? Articles and Notes]*. Moscow: Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature Publ., pp. 13–17. (In Russian)
- Malinetskij, G. G. (2024) *Postindustrial'nyj vyzov i novaya gumanitaristika: Vzglyad na problemy cheloveka cherez prizmu samoorganizatsii [The post-industrial challenge and new humanities: A view on human problems through the lens of self-organization]*. Moscow: URSS Publ., 232 p. (In Russian)
- Mamardashvili, M. K. (1992) Mysl' pod zapretom (Besedy s A. Epel'baum) [Thought Under Ban (Conversations with A. Epelbaum)]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, no. 4, pp. 70–72. (In Russian)
- Markaryan, E. S. (2011) Kul'tura kak sposob sotsial'noj samoorganizatsii [Culture as a way of social self-organization]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 79–90. (In Russian)
- Mezhdunarodnaya programma po otsenke obrazovatel'nykh dostizhenij uchashchikhsya [Programme for International Student Assessment]. (2025) [Online]. Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная_программа_по_оценке_образовательных_достижений_учащихся) (accessed 11.01.2025). (In Russian)
- Moiseev, N. N. (2021) *Matematika stavit eksperiment. O postroenii matematicheskikh modelej: Sdelat' matematiku neotsenimym pomoshchnikom lyubogo spetsialista — ot gumanitarijev i ekonomistov do fizikov i inzhenerov [Mathematics sets an experiment. on building mathematical models: Making mathematics an invaluable tool for every specialist — from humanists and economists to physicists and engineers]*. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 232 p. (In Russian)
- Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Presidential Address to the Federal Assembly]. (2018) [Online]. Available at: <https://ria.ru/20180301/1515512123.html> (accessed 11.01.2025). (In Russian)
- Rakityanskij, N. M. (2020) *Mental'nye issledovaniya global'nykh politicheskikh mirov [Mental studies of global political worlds]*. Moscow: Moscow University Publ., 463 p. (In Russian)
- Rassel, B. (2017) *Istoriya zapadnoj filosofii: v 2-kh t. T. 2. Kn. 3 [A history of western philosophy. In 2 vols. Vol. 2. Book 3]*. Moscow: AST Publ., 512 p. (In Russian)
- Set, A. (2024) *Byt' soboj: Novaya teoriya soznaniya [Being You: A New Theory of Consciousness]*. Moscow: Al'pina Non-Fiction Publ., 400 p. (In Russian)
- Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T.1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Vol. 1: Form and Actuality]*. Moscow: Mysl' Publ., 670 p. (In Russian)
- Shvab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]*. Moscow: Eksmo Publ., 208 p. (In Russian)
- Spisok yazykov po kolichestvu nositelej [List of languages by number of native speakers] (2024) [Online]. Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список языков по количеству носителей](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_языков_по_количеству_носителей) (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Thagapsoev, H. G. (2011) Problema identichnosti v kognitivno-epistemologicheskoy sisteme kul'turologii [The problem of identity in the cognitive-epistemological system of cultural studies]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 26–35. (In Russian)
- White, L. A. (2011) Nauka o kul'ture [The science of culture]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 69–78. (In Russian)

Сведения об авторе

Георгий Геннадьевич Малинецкий, SPIN-код: 5684-2049, e-mail: GMalin@Keldysh.ru

Доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Author

Georgy Gennadievich Malinetsky, SPIN: 5684-2049, e-mail: GMalin@Keldysh.ru

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Principal Researcher, Head, Department of Nonlinear Processes, The Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences, Moscow University for the Humanities